

Игорь Волгин

Судьба Алёши Карамазова: Фёдор Достоевский у истоков русской революции

26 мая 1880 года в одесской газете *Новороссийский телеграф* появилось следующее сообщение: «...из кое-каких слухов о дальнейшем содержании романа (*Братья Карамазовы* – И.В.), слухов, распространившихся в петербургских литературных кружках, я могу сказать... что Алексей делается со временем сельским учителем и под влиянием каких-то особых психических процессов, совершающихся в его душе, он доходит даже до идеи о цареубийстве»¹. Безымянный автор (он подписался буквой Z) не только косвенно подтверждает дневниковую запись Суворина, но даже «усиливает» ее: не просто «политическое преступление», а «идея о цареубийстве». Отсюда понятно суворинское «его бы казнили» (ибо если Z говорит лишь об идее, то Суворин – о «политическом преступлении» как о совершившемся факте).

Поразительно, что крупная легальная газета в мае 1880 года осмелилась сообщить читателям столь пикантные подробности. Не менее поразительно, что произошло это ещё при жизни Достоевского, – и теоретически можно допустить, что данная публикация была ему известна².

Разумеется, Достоевский не одобрил бы способ действий, избранный его любимым персонажем. Но перестал бы он любить его? Это очень сомнительно. Тот факт, что тягчайшее политическое преступление призван был совершить «ранний человеколюбец», герой, обладающий исключительными моральными качествами, – этот факт в высшей степени знаменателен. «Лучший», «избранный» по этической шкале Достоевского совершал «худшее» по шкале юридической, государственной, да и человеческой тоже.

Надо полагать, Победоносцев (как частное лицо) ужаснулся бы, узнай он о творческих намерениях Достоевского. Но для обер-прокурора Святейшего Синода (а к маю 1880 года Победоносцев уже стал таковым) подобная развязка рома-

¹ В своей работе «Путь Алексея Фёдоровича Карамазова» Д.Д. Благой высказывает предположение, что источником этих слухов и даже автором заметки мог быть сам Суворин. Если это так, то возможность знакомства с ней Достоевского становится ещё более вероятной. Однако серьёзным аргументом против авторства Суворина служит сам текст статьи, мало напоминающий суворинские тексты. Не был ли автором петербургский журналист И.Ф. Василевский («Буква»)? Именно он представлял *Новороссийский телеграф* на Пушкинском празднике в Москве и, очевидно, являлся петербургским корреспондентом газеты. Второй «кандидат» – В.П. Буренин, ближайший и, очевидно, хорошо информированный сотрудник Суворина. Один из его криптонимов – Z.

² *Новороссийский телеграф*. 1880. № 1578 (Журнальные заметки).

на вдвойне неприемлема. Среди революционеров было немало выходцев из духовной среды, семинаристов и т.п. Однако бывший послушник (то есть лицо, готовящее себя к монашескому служению) в роли царевубийцы – случай беспрецедентный, наносящий тяжкий удар по авторитету Церкви.

Что бы ни совершил Алёша Карамазов в своем романном будущем, сомнительно, чтобы эти поступки были бы способны уничтожить его личное обаяние, поставить под сомнение изначальную чистоту его нравственной природы и тем самым лишить его читательских симпатий. Такова художественная логика самого романа. И «нынешний» и «будущий» Алексей Фёдорович Карамазов по своему психологическому складу не имеет и не может, конечно, иметь ничего общего с Петром Степановичем Верховенским, с Нечаевым или нечаевцами – с «бесами».

Для Нечаева революция – своего рода искусство для искусства: она не только может использовать человека как слепое орудие своих «высших» интересов, она «выше» нравственности вообще. Мнимая прикосновенность «наших» («бесы») к таинственному миру конспиративных «пятёрок» очень льстит их провинциальному самолюбию и служит своего рода средством для изживания их психологических комплексов. Иное дело – Алёша.

Сколько продолжений у *Братьев Карамазовых*?

Но пора процитировать дневниковую запись А.С. Суворина полностью: «Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером»³. Так излагается А.С. Сувориным (в его дневниковой записи 1903 года) один из неосуществлённых планов продолжения *Братьев Карамазовых*. До сих пор этих задуманных планов было известно пять. Нам хотелось бы указать ещё на один.

Упоминание о нём встречается у того же А.С. Суворина – в его широко известных воспоминаниях. Причём если приводимая выше дневниковая запись сделана многие годы после смерти Достоевского, то воспоминания опубликованы «по свежим следам» – в день похорон писателя. «Алёша Карамазов, – пишет Суворин в *Новом времени*, – должен был явиться героем следующего романа, героем, из которого он (Достоевский – *И.В.*) хотел создать тип русского социалиста, не тот ходячий тип, который мы знаем и который вырос вполне на европейской почве...»⁴.

Оба суворинских свидетельства (дневниковое и газетное) всегда принимались за высказанную двукратно одну и ту же версию продолжения *Братьев Карамазовых*. «...В одном и очень существенном, – замечает Д.Д. Благой, – заметка в

³ См. в кн.: Благой Д. От Кантемира до наших дней. М., 1979. С. 349.

⁴ Незнакомец. О покойном // Новое время. 1881. 1 февраля.

Новом времени и дневниковая запись полностью совпадают: Алёша становится революционером»⁵. Нам кажется, что совпадения здесь нет и в помине. Сравнивая дневниковую запись Суворина с его воспоминаниями, Д.Д. Благой пишет: «Естественно, что такое гласное сообщение (то есть публикация воспоминаний в *Новом времени* – И.В.) имело более приглушённый характер (ведь не прошло и трёх месяцев после убийства царя) по сравнению с записью в *Дневнике*, который Суворин писал не для печати, а для себя и для истории. Потому же он скрыл и свое авторство под псевдонимом "Незнакомец"»⁶.

В этих двух утверждениях содержатся две существенные ошибки. Во-первых, как мы уже говорили, воспоминания Суворина были опубликованы 1 февраля 1881 года: то есть не только «не прошло и трёх месяцев после убийства Царя», как полагает Благой, но ещё оставался целый месяц до такового⁷. Во-вторых, Суворину не было никакой надобности «скрывать» свое авторство. Вся читающая Россия знала, что Незнакомец и Суворин – одно и то же лицо: уже много лет это ни для кого не являлось секретом. Таким образом, соображения, указывающие на желание Суворина «приглушить» известную ему версию, автоматически отпадают. Просто он обнародовал лишь одну из них.

В то время как версий было *две*. Действительно – в первом случае (в *Дневнике*) будущий Алёша, по логике вещей, именно тот самый «ходячий тип», который способен совершить «политическое преступление». Он идёт по тому же пути, что и его предшественники. И – с тем же результатом. «Его бы казнили». Во втором случае (в воспоминаниях) – Алёша «русский социалист», то есть социалист в духе самого Достоевского. Следовательно, он за «русское (то есть – нравственное) решение вопроса», при котором ни о каком «политическом преступлении» как будто не может быть и речи.

Таким образом, А.С. Суворин говорит не об одном, а фактически о двух различных продолжениях *Братьев Карамазовых*. И каждое из них противоречит другому. Либо Суворин что-то напутал, либо здесь не было никакого противоречия. Чистейшая душа, «ранний человеколюбец», казалось бы бесконечно далекий от забот и треволнений русской революции, *естественно* должен был ступить на её тернистый путь. «Его бы казнили». Он разделит бы участь Каракозова, Дубровина, Соловьёва. При кажущейся множественности альтернатив реальный исход был только один.

Решил ли «для себя» сам создатель *Братьев Карамазовых*, какой именно путь уготован его герою? Ответить на этот вопрос крайне затруднительно. Известно, что у Достоевского сюжетные замыслы в процессе своего романного воплощения претерпевали самые различные метаморфозы. Поэтому о планах реализации того или другого из них следует говорить очень осторожно и – в сослагательном

⁵ Благой. От Кантемира до наших дней. С. 349.

⁶ Там же.

⁷ Ошибка исследователя вызвана тем, что он называет неверную дату публикации статьи Суворина: дается ссылка на *Новое время* от 26 мая 1881 года, а не от 1 февраля.

наклонении. Во всяком случае, автора серьёзно занимали те два варианта, которые в своё время были сообщены Суворину. Но – только ли Суворину?

К воспоминаниям Суворина

В четверг 29 января 1881 года (то есть на следующий день после смерти Достоевского) двадцатипятилетний студент Академии художеств И.Ф. Тюменев записывает в дневнике: «Мне кажется, скончайся теперь Тургенев, Гончаров, Островский, никого бы не было так жалко, как именно, Фёдора Михайловича, который только что начал завладевать вниманием общества, только что крайне заинтересовал всех своими «Карамазовыми», только приготовился повествовать дальше о судьбе Алёши, этого, по его намерению, нового русского Евангельского социалиста...»⁸.

Тюменев, говоря о «русском евангельском социалисте», фактически повторяет приведённое выше свидетельство Суворина (с добавлением слова «Евангельский»). Однако – повторяет ли? Ведь запись Тюменева помечена 29 января; воспоминания же Суворина «О покойном» появятся в печати только через два дня – 1 февраля. Откуда же Тюменеву, человеку лично с писателем незнакомому, стали известны его скрытые художественные намерения?

В самом тексте романа нет прямых указаний на «Евангельский социализм» Алёши (а есть только ясно выраженное желание продолжить роман). Следовательно, Тюменев воспользовался какими-то иными источниками. Ими могли быть литературные слухи, суждения о романе в периодической печати, либо, наконец (этого нельзя полностью исключить), – заявления самого Достоевского на литературных вечерах⁹.

Уже после смерти Достоевского в *Литературном журнале*, издававшемся при газете *Новое время*, была помещена статья В.К. Петерсена (подписанная псевдонимом «Оникс») – «Вступление к роману *Ангела*». «По словам покойного, – пишет автор, – Алексей Карамазов должен был выразить положительный тип детолюбца-христианина, совершенно чистого сердцем»¹⁰. Спрашивается: откуда Петерсен почерпнул эти сведения?

В краткой заметке «От автора», предваряющей роман, ни словом не упоминается ни о «детолюбце-христианине», ни вообще о каких-либо других достоинствах будущего Алёши Карамазова. Поэтому выражение Петерсена «по словам покойного» следует, кажется, понимать буквально: имеется в виду не авторское

⁸ Литературное наследство. Т. 86. М., 1973. С. 335.

⁹ Допустимо, впрочем, ещё одно предположение: запись Тюменева за 29 января сделана им не в этот день, а несколько позднее, когда автор уже ознакомился со статьей Суворина в *Новом времени*.

¹⁰ Литературный журнал. 1881. № 7. Стб. 609.

(романное) слово, а живая речь самого Достоевского, то есть устное высказывание. Но как бы там ни было, в 1881 году версия об Алеше – христианском социалисте (версия, опирающаяся главным образом на внероманные источники) не оставалась секретом для широкой публики.

Впрочем, обсуждались и другие варианты. В своих воспоминаниях Л.И. Веселитская (В. Микулич) рассказывает, что осенью 1880 года, будучи в гостях у старой приятельницы писателя Елены Андреевны Штакеншнейдер, она разговорилась с ней о Достоевском. «А как его здоровье?» – «Плохо. Он часто хворает и много работает. Он продолжает Карамазовых. Теперь будет падение Алёши»¹¹.

Это важное свидетельство никогда не отмечалось исследователями. Правда, в нём содержится одна неточность: осенью 1880 года у Достоевского не было намерения немедленно продолжать *Карамазовых*. Он решил сделать двухлетний перерыв. Таким образом, Е.А. Штакеншнейдер сообщает В. Микулич не о работе над продолжением романа, а скорее всего о планах этого продолжения.

Указание Штакеншнейдер на будущее «падение» Алёши как будто подтверждает еще одну из дошедших до нас версий: пробуждение в Алёше карамазовского начала, его роман с Грушенькой и т.д. Не исключено, что именно это и имелось в виду. Но слово «падение» у Микулич никак не прокомментировано. Поэтому, наряду с падением в его *романтическом* смысле, можно представить и другое: падение как гражданский и жизненный крах, как политическую катастрофу. Во всяком случае, такое предположение нельзя полностью игнорировать.

Итак, ещё при жизни Достоевского наблюдается одновременное бытование разных версий «второго» романа. Естественно спросить: уж не сам ли Достоевский способствовал распространению этой – достаточно разноречивой – информации? Теперь у нас есть основания полагать, что именно так оно и было. Более того: можно вообразить, когда и при каких обстоятельствах один из интересующих нас вариантов (а именно – с «Евангельским» Алёшей) был сообщён Суворину.

Свидетельство Софьи Ивановны

Сравнительно недавно были опубликованы дневниковые записи забытой ныне писательницы Софьи Ивановны Смирновой (по мужу – актёру Александрийского театра – Сазоновой). В 1880 году Смирновой-Сазоновой было двадцать восемь лет. «Фёдор Михайлович, – замечает Анна Григорьевна, – был дружен с Софьей Ивановной Смирновой и очень ценил её литературный талант»¹².

29 февраля 1880 года, в первой половине дня, Достоевский посетил Софью Ивановну, которая, между прочим, сообщила ему, что, занятая своими делами,

¹¹ Микулич В. Встреча со знаменитостью. М., 1903. С. 21.

¹² Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1971. С. 290.

она не сможет быть вечером у Суворина (там справлялось четырехлетие *Нового времени*). Достоевский уехал. После него явился Суворин – и принялся уговаривать. Она пообещала и писала, что Суворин очень был рад, целовал ей руки. Если бы это только было возможно, то и нам, любопытствующим читателям чужих дневников, вовсе не грех «целовать руки» Софье Ивановне: благодаря её тогдашнему согласию мы ныне обладаем свидетельством высокой важности.

Они вновь встретились вечером. За поздней трапезой Софья Ивановна сидела между Достоевским и Сувориным и таким образом была невольной свидетельницей (а скорее всего – и участницей) их беседы. «Достоевский удивлён моему приезду. За ужином говорил Суворину про себя, что он русский социалист и что напрасно это просмотрели в 1-й части *Братьев Карамазовых*, где он это высказывал, объясняя, в чём состоит русский социализм...»¹³.

Достоевский усиленно подчёркивает, что он – «русский социалист». И это настоятельное указание перекликается с глухим (нерасшифрованным) признанием того же Суворина: «Политические идеалы Достоевского, мимоходом сказать, были широки, и он не изменил им со дней своей юности»¹⁴. «Мимоходом» говорит о том же и первый биограф Достоевского Орест Фёдорович Миллер: «...социалистом в широком человеческом смысле этого слова он никогда не переставал быть».

Если Достоевский и «рenegат революционного дела» (Степняк-Кравчинский), то следует согласиться, что это «рenegатство» носит не совсем обычный характер. Убеждённый противник революции (и всех форм революционного насилия), он вместе с тем остается искренним приверженцем её «высших» (то есть «евангельских») целей¹⁵. Он хотел воплотить свою веру в жизненном подвиге Алёши Карамазова и его судьбой указать путь: найти альтернативу своему собственному – «его бы казнили». Но тут возникало одно непреодолимое затруднение.

Непреодолимое затруднение

Такого Алёши еще не существовало в природе. Этот духовный тип (так полагал Достоевский) лишь намечался в действительной жизни. Те же «русские социалисты», которые *были*, – шли прямой дорогой на эшафот. «Но братья явились бы несомненными деятелями социализма, – пишет уже упоминавшийся нами Петерсен. – Иван вышел бы подстрекателем, мрачным фанатиком идеи перестроить

¹³ Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. С. 275-276.

¹⁴ Новое время. 1881. 1 февраля.

¹⁵ Об этом см. подробнее в нашей работе: Доказательство от противного // Вопросы литературы. 1976. № 9. См. также: Волгин И. Возвращение билета: парадоксы национального самознания. М., 2004. С. 196-230.

заново мир...»¹⁶. Эти соображения, хотя и высказанные в достаточно грубой форме, не так уж неосновательны.

Перед автором *Братьев Карамазовых* вставала дилемма: либо создать ещё один идеальный образ (своего рода «Идиота» русской революции: именно так несколько раз именуется Алёша в черновых набросках к роману), либо воплотить в будущем Алёше те реальные человеческие судьбы, с трагическими развязками которых современники сталкивались на протяжении последних лет. «Его бы казнили». Очевидно, оба замысла существовали параллельно. И эти творческие колебания нашли отражение в двух разных версиях, приводимых Сувориным. Но не могут ли параллельные (как это бывает у Достоевского) в конце концов пересечься?

На первый взгляд может показаться, что замысел об Алёше, совершающем «политическое преступление» (назовём его условно версией Суворина / Z), возник позже, чем замысел о «русском Евангельском социалисте». Работа над романом начинается в 1878 году (хотя задумывается он, естественно, раньше). По времени это совпадает с началом жестокого и кровавого противостояния между правительством и революционным подпольем. В 1878 году подобные проявления носят ещё единичный и разрозненный характер (одна смертная казнь за год). Последующие годы (1879–1880) дают мощный всплеск обоюдного террора. На этот период приходится наибольшее количество покушений (в том числе – четыре попытки цареубийства) и соответственно – самая высокая за весь XIX век цифра смертных казней (двадцать одна).

Нет ничего невероятного в том, что будущий Алёша «доходит даже до идеи о цареубийстве»: идея, как говорится, носилась в воздухе. «...Жизнеописание-то у меня одно, – сказано в авторском предисловии, – а романов два. Главный роман второй – это деятельность моего героя уже в наше время, именно в наш теперешний текущий момент»¹⁷.

«Текущий момент» (то есть 1878–1880 годы) давал автору обильный материал для предпочтения одной из версий. Подпольщик-террорист (он же в большинстве случаев – смертник) становится едва ли не самой значительной фигурой русской политической жизни. Действительность вносила свои коррективы в творческие планы Достоевского.

Повторяем: так может показаться. Ибо на деле получается, что действительность не столько корректировала, сколько *подтверждала* его творческие намерения. Не исключено, что мысль об Алёше-цареубийце присутствовала у Достоевского с самого начала.

¹⁶ Литературный журнал. 1881. № 7. Стб. 609.

¹⁷ Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Т. 14. Л., 1974. С. 6.

Ряд совпадений

Об этом, прежде всего, свидетельствует подмеченное в своё время Л.П. Гроссманом сходство фамилий Карамазов – Каракозов¹⁸. Но кроме фонетического сходства можно было бы указать и на иные – не менее значимые – созвучия.

В черновом наброске так и не завершённого предисловия к *Бесам* сказано: «В Кириллове народная идея – сейчас же жертвовать собою для правды. Даже несчастный, слепой самоубийца 4 апреля в то время верил в свою правду (он, говорят, потом раскаялся – слава Богу!) и не прятался, как Орсини, а стал лицом к лицу»¹⁹. Итак, в предисловии к *Бесам* должен был упоминаться Каракозов! Более того: его поступок так или иначе связывался с «народной идеей». Это было невероятно; напечатать такое было бы невозможно. Не потому ли предисловие так и осталось недописанным?

Далее в наброске следовало: «Жертвовать собою и всем для правды – вот национальная черта поколения. Благослови его Бог и пошли ему понимание правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду»²⁰. В самом романе эта идея не получила ощутимого развития. Но через десять лет у Достоевского звучит что-то очень знакомое: «...он был юноша отчасти уже нашего последнего времени, то есть честный по природе своей, требующий правды, ищущий её и верующий в неё, а уверовав, требующий немедленного участия в ней всею силой души своей, требующий скорого подвига, с непременным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью»²¹.

В характеристике Алёши Карамазова почти дословно воспроизведено то, что уже говорилось ранее в незаконченном предисловии к *Бесам*. Ради «скорого подвига» Алёша готов пожертвовать «даже жизнью». В свете версии Суворина / Z эти слова звучат многозначительно. Правда, несколько дальше содержится намёк совершенно иного рода, указующий как будто на первую суворинскую версию (изложенную в его воспоминаниях): «Алёша избрал лишь противоположную всем дорогу, но с тою же жаждой скорого подвига»²². «Противоположная всем дорога» – это и есть «русский социализм». По-видимому, начиная ро-

¹⁸ См.: Гроссман Л. Достоевский. М., 1965. С. 569-572. Правда, на это указывал ещё Страхов, добавляя, что Иван (а не Алёша) «должен был выйти на дорогу политического преступника и совершить какое-нибудь страшное покушение». Это чрезвычайно любопытное свидетельство, подтверждающее структурную роль «страшного» политического преступления в планах «второго» романа. Конечно, у Ивана Федоровича Карамазова имеется несравнимо больше шансов на амплуа политического преступника, нежели у его брата Алёши. Такое романное решение было бы «логичным» и художественно обоснованным. Однако оно не содержало бы тех парадоксальных возможностей, которые, как будет показано ниже, открывались в случае реализации версии Суворина / Z.

¹⁹ См.: Русь. 1883. 6 января.

²⁰ Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Т. 11. Л., 1974. С. 303.

²¹ Там же. Т. 14. С. 30.

²² Там же. Т. 14. С. 25.

ман, его автор ещё не остановился окончательно ни на одном из вариантов продолжения. Алёше оставлялся шанс.

Казалось бы, оба предполагаемых варианта обладают примерно одинаковыми потенциальными возможностями. Но в романе имеется ещё одно (причем капитальное) указание на вероятность именно трагической развязки. Как ни странно, оно до сих пор не было учтено. Это – эпитафия.

Диалог эпитафий

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (Иоан. 12:24). Эпитафией взяты слова Евангелия от Иоанна. Но если исходить только из текста романа, их смысл не вполне ясен. «Эти слова, – пишут комментаторы Полного собрания сочинений Достоевского, – ...выражают надежду писателя на грядущее обновление и процветание России (и всего человечества), которое должно наступить вслед за всеобщим разложением и упадком»²³.

Что ж, это приемлемое, но, думается, далеко не достаточное объяснение. Во-первых, «разложение и упадок» (в том смысле, в каком их понимают комментаторы) еще не есть *смерть*, а скорее – некое неполноценное, ослабленное существование. Однако четвертое Евангелие подразумевает не ослабление жизни, а её уничтожение, прекращение данной формы бытия. Падшее в землю зерно не «разлагается» и не «приходит в упадок», а – умирает: только смерть и ничто иное кладет начало новой, возрожденной жизни. Поэтому «обновление» (и, если угодно, даже «процветание») мыслится именно как возрожденное, а не преобразованное бытие.

Разумеется, вселенский смысл слов Евангелия от Иоанна бесконечно шире и глубже тех возможных аллюзий, которые применимы к каким бы то ни было частным ситуациям. Пшеничное зерно «достигает цели» лишь «смертью смерть поправ». Это – реальность *Нового Завета*. Однако в метафизическом смысле таким «зерном» можно почтить не только Алёшу Карамазова, но и самого автора романа, который на эшафоте *пережил* свою смерть и духовно воскрес.

Но воскресение требует искупительной жертвы. Представляется, что эпитафия к *Братьям Карамазовым* относится не только к известному нам тексту романа, но и ко всей предполагаемой диалогии в целом. Тогда становится ясен его сокровенный смысл: гибель Алёши на эшафоте есть искупление. «Много плода» даёт-ся гибелью главного героя²⁴.

²³ Там же. Т. 15. С. 523 (Примечания).

²⁴ В тексте романа слова эпитафии повторяются Зосимой. На вопрос Алёши, почему старец поклонился Мите, тот отвечает, что провидит его судьбу: «Послал я тебя к нему, Алексей, ибо думал, что братский лик твой поможет ему. Но всё от Господа и все судьбы наши. (Далее сле-

Но если так, тогда эпитафия к *Братьям Карамазовым* вступает в сложные отношения с другим эпитафием – к другому роману: «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедшие из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побежали и рассказали в городе и по деревням. И вышли жители смотреть случившееся и, пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых одетого и в здравом уме, и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесноватый» (Лк.8:26-39).

Исцеление бесноватого есть *чудо*. Он внешним образом избавляется от своего внутреннего недуга. В том, что его оставляют бесы, нет его собственной, личной заслуги. Бесы вселяются в нечистых животных – и последние гибнут. Это – языческое жертвоприношение.

Сюжет, который приводится в Евангелии от Луки, не имеет ничего общего с притчей, изложенной в Евангелии от Иоанна. Между тем цитаты из обоих источников – в контексте поздней романистики Достоевского – втягиваются в напряжённый диалог: они не только дополняют, но и оспаривают друг друга. «Россия выблевала вон эту пакость, которую её окормили, и уж, конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского»²⁵, – пишет Достоевский Майкову 9/21 октября 1870 года, объясняя идею будущего романа.

Что же, может быть, в Петре Верховенском и нет «ничего русского» (хотя это весьма сомнительно: ведь сам он – закономерное порождение русской жизни). Однако подобное утверждение уж никак не приложимо к Алёше Карамазову. Правда, то преступление, которое он собирается совершить, по своей идейной и юридической тяжести (и, если угодно, по своей «нерусскости») не идёт ни в какое сравнение с убийством Шатова: оно неизмеримо «страшнее». Но, согласно художественной логике обоих романов, вина «бесов» в «рядовом» преступлении перетягивает предполагаемую вину Алёши в преступлении экстраординарном. Ибо нравственные истоки этих деяний различны. Убийство Шатова есть результат расчёта, лжи, гнусной интриги. Его кровью хотят скрепить «наших». При этом убийцы если и рискуют, то относительно: во всяком случае, не жизнью (по законам Российской империи за уголовное убийство не назначалось смертной казни).

То, что, согласно версии Суворина / Z, должен был совершить Алёша, с точки зрения государства являлось прямым покушением на само государство: это была бы тягчайшая, не заслуживающая ни малейшего снисхождения вина. Вина, тре-

дует текст эпитафии.– *И.В.*) Запомни сие... Мыслью о тебе так: изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок». Не исключено, что слова эпитафии могут частично относиться и к Дмитрию Карамазову. Однако поскольку главным героем, как сказано в авторском предисловии, является Алёша и прямо к нему обращены слова «запомни сие», то, надо полагать, именно *его* судьбу предрекает Зосима. Знаменательно, что эпитафия повторяется при отсылке Алексея в *мир*.

²⁵ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 29. Кн. I. С. 145.

бующая предельной кары. Но, как мы уже говорили, даже *такое* преступление не могло бы коренным образом изменить читательского отношения к главному герою *Братьев Карамазовых*. Так же как убийство Раскольниковым старухи-процентщицы не лишает его окончательно ни авторских, ни читательских симпатий. Убийство всегда (кроме случая защиты *от* убийцы) отвратительно Достоевскому. И в плане этическом для него совершенно безразлично, кто является жертвой: Шатов, Алёна Ивановна или русский царь.

Алена Ивановна и русский царь

Но в двух последних случаях (Алена Ивановна и Александр II) присутствует некая общая черта. Поступок Раскольникова есть такое же *теоретическое* преступление, как и цареубийство. Причём оба эти акта идейно бескорыстны (во всяком случае, в первом приближении). И Раскольников, и, очевидно, будущий Алёша Карамазов разрешают себе «кровь по совести». «Какой удар, бесценный Лев Николаевич, – пишет Страхов Толстому через несколько дней после удавшегося наконец покушения на русского царя. – ...Бесчеловечно убили старика, который мечтал быть либеральнейшим и благодетельнейшим царем в мире. *Теоретическое убийство*, не по злобе, не по реальной надобности, а потому что *в идее* это очень хорошо (подчёркнуто нами – *И.В.*)»²⁶.

Это письмо написано примерно через месяц после другого послания, в котором Страхов извещал Толстого о смерти Достоевского. На сей раз имя Достоевского не упомянуто: однако проблема *Преступления и наказания* налицо. «Нужны ужасные бедствия, – продолжает Страхов, – опустошения целых областей, пожары, взрывы целых городов, избиение миллионов, чтобы опомнились люди. А теперь только цветочки»²⁷.

Удивительно: казнь российского императора вызывает у Страхова цепь ассоциаций, очень схожих с теми, какие возникают в эсхатологическом сне Раскольникова на каторге, после убийства им вдовы-чиновницы. То, о чём говорит Страхов, – это переключка с соответствующим местом *Преступления и наказания*. Убийство Алены Ивановны было написано за несколько месяцев до первой попытки цареубийства. Всего же при жизни Достоевского их было шесть. Эти попытки действовали на него угнетающе. В возможной насильственной гибели монарха, «по доброй воле» освободившего двадцать пять миллионов подданных, он усматривал конкретное политическое зло.

По мысли Достоевского, реформа 1861 года создала исторический прецедент исключительной важности. Она явила пример добровольного отказа от вековой исторической несправедливости, мирного разрешения грозящего страшными

²⁶ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. СПб., 1914. С. 268.

²⁷ Там же.

бедствиями социального конфликта. В этом смысле освобождение крестьян было как бы первым шагом к «русскому решению вопроса»: проведённая сверху акция *намекала* на возможность созидания такого миропорядка, который будет основан на справедливости – и только на ней.

Насильственная гибель Александра II, с личностью которого Достоевский связывал и крестьянское освобождение, и возможность дальнейших – не менее радикальных – реформ, такой исход мог бы, по его мнению, означать конец (или, по крайней мере, существенную отсрочку) его собственных глобальных предположений. Тем знаменательнее, что совершить это должен был его любимый герой²⁸.

Достоевский ненавидел террор и не знал никаких ему оправданий. Но понимал также, что болезнь глубоко поразила Россию, захватив таких «чистых сердцем» юношей, как Алёша Карамазов. Скажем больше: предчувствие того, что в революцию ринутся в первую очередь идеалисты, – эта угадка *даёт ключ* к пониманию трагических потрясений XX века.

Существует мнение, что Достоевский не имеет никакого касательства к проблемам русской революции («как будто у революции могут быть высшие нравственные цели», – брезгливо бросает один автор, очевидно, не подозревая о том, что без наличия таковых ни одна Бастилия в мире не шелохнулась бы)²⁹. «Бесы вышли из русского человека, – писал Достоевский Майкову в 1870 году, – и вошли в стадо свиней, т.е. в Нечаевых, в Серно-Соловьёвичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых»³⁰. Так не случилось.

Жертва и искупление

К концу десятилетия обнаружилось, что русская революция не пошла по нечаевскому пути. Напротив: в рядах её приверженцев ещё резче обозначилась та самая «национальная черта поколения», которую он пророчески угадал десять лет назад. Можно было изгнать бесов *из* русского человека. Но нельзя было изгнать *самого* русского человека.

²⁸ Так как действие второй части дилогии должно было разворачиваться в самом конце 70-х годов, понятно, что предполагаемое покушение Алёши могло прийтись только на период продолжающегося царствования Александра II. Само собой разумеется, что покушение должно было окончиться неудачей: ведь не мог же Достоевский при ещё живом царе изобразить его гибель!

²⁹ Белов С.В. «Гений и злодейство – две вещи несовместные» // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 14-19. См. также: Волгин. Возвращение билета. С. 574.

³⁰ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 29. Кн. I. С. 145.

Спасти себя мог только он сам. От русской революции уже нельзя было «отделаться» языческим жертвоприношением: утопив свиней в озере. Искупительная жертва Алёши Карамазова должна была знаменовать, что ради разрешения главного вопроса русской жизни – «что считать за правду» – на заклятие приносятся избранные из избранных. Эпиграф к *Братьям Карамазовым* вступал в тайное противоборство с эпиграфом к *Бесам*.

Алеше Карамазову было суждено «перетащить на себе» исторический опыт двух последних десятилетий. Он мог обрести художественный авторитет не проповедью «евангельского социализма» (и вообще не проповедью: вроде той, какую он произносит у Илюшиного камня), а только делом. Колю Красоткина и других «русских мальчиков» нельзя было уговорить. Но их еще можно было *убедить* – ценой собственной гибели. «А если умрёт, то принесет много плода» (Иоан. 12:24). Смерть Алёши на эшафоте и должна была стать его *делом*.

Самое поразительное, что подобный исход мог быть одновременно и подтверждением другой романной версии – о «русском социалисте». Параллельные должны были в конце концов пересечься. Предполагалось «безумное» художественное решение. Алёша второго романа должен был умереть именно за ту идею, которую, согласно «сверхзадаче» этого романа, он призван был опровергнуть. Но такие идеи не опровергаются словом. С ними можно спорить только жизнью.

Как и Родион Раскольников, Алексей Карамазов проводил эксперимент на себе. Для развенчания теории Раскольникова потребовалась судьба Раскольникова. Для преодоления идеи Алёши Карамазова (идеи, приведшей его на эшафот) потребовалась жизнь Алёши Карамазова. Это было доказательством от противного.

И тут мы вновь возвращаемся к записи в последней записной книжке – *о крови*. Крепко-то оказывается не у тех, которые кровь прольют, а у тех, чью кровь прольют. Вот он – закон крови на земле. Казалось бы, запись бесспорна: именно революционеры проливают чужую кровь. Следовательно, «крепко» оказывается не у них.

Но – жертвовать собою и всем для правды – национальная черта поколения. К концу 70-х годов эта черта обозначилась как массовая. Были явлены вопросы в высшей степени мучительные и трудные – именно для моральных оценок. Тот, кто проливал чужую кровь, одновременно проливал и свою, совершенно сознательно обрекая себя на гибель (этот дух жертвенности характерен почти для всех главных деятелей «Народной воли»).

«Иди и гибни безупречно.

Умрешь не даром – дело прочно,

Когда под ним струится кровь,»

– так предвосхитившие события некрасовские строки неожиданно перекликаются со словами Достоевского о «законе крови на земле». Власть тоже проливала чужую кровь: следовательно, «крепко» оказывалось не у неё. «Закон крови» в России был подобен заколдованному кругу.

Этот круг следовало разорвать. Алёша Карамазов, всходя на эшафот, собственной кровью должен был освятить иной – бескровный – путь: путь «русско-го евангельского социалиста». Его гибель явилась бы двойным искуплением.

Возникает вопрос: стоит ли так подробно останавливаться на всех этих несуществующих материях? Ведь ни один из вариантов второго романа так и не получил художественного воплощения. И можно лишь гадать, какое продолжение (или завершение) обрела бы жизнь Алёши Карамазова и других героев, будь этот роман написан. Может быть, Алёша мирно бы закончил свои дни в монастыре, окружённый воспитуемыми и наставляемыми им детьми, как это некогда и предполагалось. Поэтому не проще ли говорить о том, что есть, нежели поддаваться неверному соблазну догадок и навязывать *несозданному* участь десятой (сожжённой) главы «Евгения Онегина», – с той разницей, что последняя (теоретически) ещё может быть когда-нибудь восстановлена, в то время как ненаписанное нельзя восстановить никогда?

Всё это так. И мы не стали бы вдаваться в рискованную область гадательного и неизвестного, если бы к этому не подвигал нас сам Достоевский. Второй «главный» роман отбрасывает незримую тень на первый, и в этой тени – не только сотворенные герои *Братьев Карамазовых*, но и сам сотворивший их автор.

Естественный отбор

Итак, кажется несомненным, что замыслов «главного» романа было несколько и что они в основном возникли ещё до начала писания. Но столь же несомненно, что события 1879–1880 годов были способны существенным образом трансформировать эти планы, ослабить одни сюжетные линии и усилить другие, отфильтровать варианты и резко повысить шансы одного из них. Происходит своего рода естественный отбор.

Думается, что к зиме – весне 1880 года если не окончательно, то, во всяком случае, более подробно, чем остальные, отрабатывается версия Суворина / Z: в мае она попадает в *Новороссийский телеграф*³¹. Она могла соединять в себе элементы различных сюжетов (в том числе и «детскую» линию романа). Но центральное место, по-видимому, должна была занять будущая драма Алёши.

Происходит совмещение двух разнородных планов, их взаимопроникновение. С одной стороны, Алёша «главного» романа воплощал в себе идеальный порыв

³¹ Не содержится ли намек на знакомство с этой версией в следующих словах Петерсена: «Жалеете ли вы, читатель, что этот роман никогда не будет написан Достоевским? Откровенно сказать, я не жалею; я убеждён, что это, наверное, вышел бы плохой роман, нимало не способный помочь разобраться в окружающей нас путанице и раздражающем всех хаосе кровавого сентиментализма». Цитата по: Литературный журнал. 1881. № 7. Стб. 609. Кстати, Алексей Фёдорович «второго» романа должен был, если верить *Новороссийскому телеграфу*, стать сельским учителем. Сельским учителем был одно время и стрелявший в царя А. Соловьёв.

русской революции, с другой – действовал согласно её реальной исторической логике. При столь очевидной противоречивости этого предполагаемого персонажа он сохранял глубокое внутреннее единство. В младшем из Карамазовых, старающемся о мировой гармонии и одновременно – ради всё той же гармонии – разрешающем себе «кровь по совести», был схвачен момент истины. В Алёше – подвижнике и царубийце – проступали два лика русской революции.

Понятно, почему Суворин никогда не предал гласности то, что он недвусмысленно зафиксировал в своем дневнике. Обнародование версии о «политическом преступлении» (и тем более расшифровка характера этого преступления) – вещи для него идеологически недопустимые³². Да и столичная цензура вряд ли осталась бы равнодушной к сообщению о том, что покойного автора *Братьев Карамазовых* посещали столь рискованные сюжеты. После 1 марта 1881 года упоминание об этом делалось и вовсе неуместным.

Между тем подобный исход романа естествен для Достоевского. Художник крайностей, он не мог удовольствоваться «рядовым» политическим преступлением. Ему было необходимо самое тяжкое (но, заметим, для 1879–1880 годов – *типичное*). Достоевский – весьма актуальный писатель.

³² Это ещё один аргумент в пользу того, что автором статьи в *Новороссийском телеграфе* (Z-м) был не Суворин. Если, как пишет Благой, версию о царубийстве Суворин «не решился доверить... даже дневнику» (и это через много лет!), трудно представить, чтобы он отважился на столь сенсационное (пусть даже и анонимное) заявление в печати.

